РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Все наши попытки найти какую-нибудь помощь вне села были обречены на неудачу. Где бы ни показался крестьянин-украинец в поисках продуктов за пределами своего села, на него охотились, как на дикого зверя. Мы должны были искать для себя прокорм среди природы.

Более везучие и ловкие – те могли поймать себе рыбину или птичку. Другие пробовали утолить голод мягкими и сочными частями растений, которых много было над речкой. В лесу голодающие могли поживиться ягодами, грибами, различными корешками или даже листьями и корой кустов и деревьев. Было также много дичи для тех, кто умел её ловить руками или заманивать в ловушки. Но охотничьего оружия у нас не было, ведь все ружья уже давно у нас конфисковали.

Но наиболее соблазнительно было рыскать на полях. Там всегда мы надеялись что-нибудь найти, в основном из прошлогодних овощей, корнеплодов, уцелевших в земле под снегом и морозом. Картошка, свёкла и лук, даже мёрзлые, представляли бесценное сокровище для умирающих от голода. "Голодному всё по вкусу", – гласит старая поговорка.

Едва растаял снег, можно было видеть, как повсюду в обедневших полях снуют несчастные фигуры голодных людей в поисках чего-нибудь съедобного. Самой лучшей находкой была картошка, Часто те, кто её находил, не съедали картошку сразу там же, а несли домой и готовили из неё своего рода картофельные оладьи, добавляя листья или древесную кору.

Однако людям, истощённым голодом, нелегко было бродить по полям в поисках овощей. Ведь даже чтобы только дойти до какого-то отдалённого места, требовалась немалая сила и

выносливость, и у многих не было для этого сил. А если кто-то и добредал туда, то очень часто падал замертво среди поля от истощения, так и не успев ничего найти.

Однажды в полдень к нам зашла мать одного моего школьного товарища Петра. Плача, она рассказала нам, что Петро умирает где-то на поле километра за два от села. Соседка собирала там мёрзлую картошку, от неё и услышала мать эту весть. Парень лежал чуть живой, но у соседки не было сил, чтобы ему помочь. Вот мать Петра и умоляла нас, не могли бы мы привезти его домой – мёртвого или живого.

Судьба семьи Петра мало чем отличалась от судьбы других крестьян. Его отец отказался вступить в колхоз, как и все крестьяне поначалу. Но партийные активисты и их приспешники не оставили это просто так и прибегли к разным хитростям и способам, чтобы уничтожить его как самостоятельного хозяина. Два года тому отца Петра назначили старшим в пятихатке. Это означало, что в его хате должны были проводиться собрания пятерых крестьян, и что он полностью отвечал за них перед властью. А поскольку власть изо всех сил давила на крестьян, чтобы затащить их в колхоз, то он должен был коллективизировать всех крестьян своей пятихатки, ну и, конечно, сам первым должен был туда вступить.

Во многих случаях это удавалось, но с отцом Петра вышло иначе. Он и все пятеро членов пятихатки ненавидели колхоз и не хотели иметь с ним ничего общего, но он дорого заплатил за их упрямство. На его хозяйство наложили чрезмерный налог, и когда он уже не мог заплатить этот налог ни натурой, ни деньгами, его арестовали как "врага народа" и упекли куда-то на российский север. А хозяйство конфисковали, из-за чего жена с двумя детьми вынуждена была перебраться к своим родителям.

Но и там несчастной не повезло. Весной 32-го года умерли от голода её родители и дочурка, и она осталась одна с сыном.

И вот теперь, когда они как-то смогли перебыть голод, Петрусь где-то там умирает один среди поля.

Мы не могли отказать матери Петра в её настойчивых мольбах помочь, хотя сами едва держались на ногах. Ведь Петро был нашим другом и соседом, а кроме того, в округе уже нигде не было мужчин, которые бы помогли и решились пойти

в поле; вот мы и решили сделать всё, что возможно, лишь бы спасти парня.

Привезти Петра домой мы могли только на ручной тележке, ведь нашего коня с подводой забрали в колхоз ещё два года тому. Взяв тележку, мы с Миколой подались на картофельное поле, а следом за нами пошла и мать Петра, настояв, что будет сопровождать нас. Мы вышли на просёлочную дорогу, которая в это время года была очень топкой и во многих местах покрыта полузамёрзшими лужами из талого снега. Наша обувь, если её можно так назвать, совсем не годилась для такой дороги. У матери Петра ноги были просто обмотаны тряпками, а у нас с Миколой на ногах были сношенные ботинки, сверху обмотанные кусками брезента. Тяжёлая и тягучая, как смола, грязь прилипала к нашей обуви, и нам было тяжело ступать. А ведь еще приходилось по щиколотки в воде переходить лужи, и вся наша обувь насквозь пропиталась ледяной грязью, так что наш поход был чрезвычайно трудным и просто опасным. Мать Петра, хоть и старалась не отставать от нас, никак не могла поспевать за нами, но, всхлипывая, всё-таки повторяла, что не вернётся в село, пока не увидит своего сына живым. Микола и я решили посадить её на тележку, но она была слишком тяжёлой для такой маленькой тележки и нам оказалось не под силу тащить тележку с ней. Поняв, что так мы только задержимся, она слезла с тележки, и мы согласились оставить её сзади.

Идя дальше в поле, мы наткнулись на двух покойников. А когда дошли до ложбинки между двумя холмиками, мой брат заметил, что в борозде в нескольких метрах от дороги что-то лежит. Мы оставили тележку и подошли ближе посмотреть, что это такое. Там лежал мёртвый лицом вниз в грязи. Никаких признаков какой-то борьбы мы не увидели. Должно быть просто упал на ходу и не было сил подняться. Умер он уже давно, и его тело пролежало под снегом чуть ли не всю зиму. Мы попытались перевернуть труп на спину, чтобы рассмотреть лицо, но не смогли. Он задеревенел, как камень, да ещё и примёрз к земле.

В эту минуту нас догнала мать Петра и, увидев мёртвого, запричитала, но не осмелилась подойти близко. Она просила нас не терять времени и поспешить.

Конечно, она не поспевала за нами, потому что мы зашагали быстрее, и она снова отстала. Вечерело, и тяжёлые тучи стали на-

двигаться от горизонта на поля. Вдалеке уже шёл сильный дождь, и мы видели, что непогода постепенно надвигается на нас.

Но нам пришлось ещё раз задержаться. Проковыляв ещё с полкилометра, мы увидели второй труп возле дороги – мёртвой женщины, которая оказалась нашей знакомой. Но она умерла не от голода. Мы сразу увидели, что ее застрелили. Она лежала лицом вверх в луже крови, смешанной с грязью, а её широко раскрытые глаза, казалось, были бессмысленно уставлены в нас. Эта смерть, очевидно, произошла совсем недавно. Я пытался угадать, какая тут могла быть причина, на нее не мог напасть кто-то обезумевший от голода, готовый убить человека за несколько мёрзлых картофелин. Простые крестьяне не имели оружия, оно было только у начальства и охраны. Скорее всего женщину застрелил колхозный полевой сторож за собирание картошки на колхозном поле.

Как и предыдущий раз, труп мы оставили на месте и пошли дальше. Тем временем ливень всё приближался, и стало смеркаться. Мы старались поскорее дойти до того места, где должен был лежать Петро. И мы нашли его, когда, наконец, запыхавшиеся и вспотевшие, добрались туда. Он лежал ещё живой посреди дороги, и едва заметно дышал. Длинная полоса следа за ним свидетельствовала, что он прополз немалое расстояние по грязи, пока потерял сознание.

Нам как-то удалось примостить его на тележку так, что его ноги свисали, потому что ростом он был уже великоват для неё. Назад добираться нам было ещё труднее, потому что уже начался дождь. Мы двигались очень медленно через эту грязь, толкая перегруженную тележку.

Мы должны были встретить мать Петра и уже беспокоились, что её до сих пор не было видно на дороге. Но через какое-то время мы увидели её. Она лежала в грязи, не в силах пошевелиться. Казалось, что она и речь потеряла и только смотрела на нас широко раскрытыми глазами. Мы испугались, потому что подумали, что она вот-вот умрёт. Но она слабым движением дала нам понять, что хочет посмотреть на сына. Мы помогли ей подняться и подвели к тележке, и она вдруг опустилась на неё всем своим весом. Ситуация казалась безвыходной. Мы ни за что не смогли бы везти их обоих, потому что и Микола, и я уже совсем выбились из сил.

Будто почувствовав наше беспокойство, мать Петра медленно подняла голову и попробовала что-то сказать нам, но не смогла. Затем соскользнула с тележки, едва подняла правую руку и показала ею в сторону Петра. Мы поняли, что она хотела, чтобы мы оставили ее, а с сыном поспешили в село. Она всё ещё надеялась, что мы его спасём.

И мы так и сделали, намереваясь возвратиться за ней позже, а с Петром как можно быстрее направились домой, не обращая внимания на непогоду и наше собственное бессилие. Когда мы наконец добрались до нашей хаты, было уже темно, хоть глаз выколи, а дождь лил как из ведра. Мать очень обрадовалась, увидев нас, и помогла нам занести Петра в хату.

Не отдохнув ни минуты, мы пошли за матерью Петра — ведь она одна в темноте не могла долго продержаться. Мама решила пойти с нами, а потому закутала Петра, чтобы ему было тепло и удобно, и напоила чем-то; дышал он равномерно, хоть и едва слышно. Потом мы вышли на улицу, опять прихватив с собой тележку.

Мать Петра была ещё жива, когда мы подошли к ней, но уже в беспамятстве. Устроив её на тележке, мы медленно двинулись назад с нашим тяжёлым грузом. Из-за темноты и ливня мы даже не видели дорогу и часто брели через овражки. Тележка несколько раз переворачивалась, сбрасывая мать Петра в грязь, но мы не сдавались. Промокнув до последней нитки, мы наконец всё же добрались домой, где мать, хоть и сама была мокрая насквозь, сразу стала переодевать в сухое мать Петра, а мы с Миколой занялись Петром. Мы хотели и на нём сменить одежду, но, наклонившись над ним, увидели, что он уже неживой. Тогда мы переключили внимание на мать Петра, делая всё возможное, чтобы хоть её спасти, но она так и не пришла в себя и умерла в страшных судорогах. Нам было грустно, и утешало нас только то, что они оба хотя бы не умерли в ту тёмную ночь под дождём в грязи.

И вновь перед нами возникла проблема — что делать с мёртвыми телами близких нам людей. Держать их в хате было невозможно, но и отвезти на кладбище и похоронить по-человечески, как всегда настаивала мать, тоже не было возможности. Теперь она уже поняла, что у нас нет на это сил, и мы решили перенести покойников в их хату, чтобы там уже тысячники забрали их трупы. Так мы и поступили в ту же ночь.